

История Симбирской и Мелекесской епархии

СВЯТЫЕ ЗЕМЛЯКИ – НЕБЕСНЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ НАШЕЙ ОБЛАСТИ

(использованы материалы Симбирской комиссии по канонизации)

Жития канонизированных святых: святого блаженного Андрея, Симбирского Христа ради юродивого, чудотворца; преподобноисповедника Гавриила (Игошкина), архимандрита Мелесского; священномученика Александра Телемакова, пресвитера Чумакинского; священномученика Александра Гневушева, пресвитера Бряндинского; преподобномученицы Екатерины (Декалиной) Симбирской.

Житие преподобноисповедника Гавриила (Игошкина), архимандрита Мелекесского

Архимандрит Гавриил (в миру Иван Иванович Игошкин) родился 5 июня 1888 года (по новому стилю) в семье крестьян-бедняков Пензенской области. Родители его были людьми очень религиозными и воспитали сына в истинном благочестии. Закончив Духовное училище, Иоанн решил оставить мир с его соблазнами. В 15 лет Иван становится насельником Богородице-Казанского-Жадовского мужского монастыря Симбирской епархии. Но через шесть лет, в 1909 году, Иоанна призвали на военную службу в царскую армию. Четыре года Иоанн служит в армии певчим военного собора, в 1913 году возвращается домой, но уже в 1914 году, в связи с начавшейся Первой мировой войной, снова призывается в армию, где служит псаломщиком и делопроизводителем до 1917 года. Затем возвращается к родителям, и помогает им вести хозяйство.

В 1921 году семья Игошкиных была вынуждена переехать в г. Покровск (ныне г. Энгельс) Саратовской области, где Иоанна рукополагают в сан диакона и определяют к Свято-Троицкой церкви. Спустя год он был рукоположен в сан священника архиепископом Уральским Тихоном (Оболенским). В 1922 году архиепископа Тихона переводят в Москву, и он забирает с собой о. Иоанна.

До 1928 года о. Иоанн служил в Покровском храме Марфо-Мариинской обители сестер милосердия. После закрытия этой церкви его перевели в храм Святителя Николая в Пыжах.

В 1929 году о. Иоанн принимает монашеский постриг с именем Гавриил, а в 1930 году он был возведен в сан игумена.

Первый раз игумена Гавриила арестовали 14 апреля 1931 года и осудили, по статье за контрреволюционную пропаганду и агитацию, на 3-хлетнее пребывание в концлагере. По окончании срока отец Гавриил вернулся в Москву и был назначен настоятелем храма в честь святителя Николая Мирликийского в Пыжах.

В 1934 году о. Гавриил возводится в сан архимандрита. Он готовится принять сан епископа, но 19 августа 1934 года, в праздник Преображения Господня, во время богослужения его арестовывают, объявив участником активной контрреволюционной церковно-монархической группировки. Архимандрит Гавриил содержится в Бутырском изоляторе. В ходе следствия его участие в группировке не подтвердилось, и 3 октября 1934 года его освобождают из-под стражи.

В храм Покрова Богородицы села Звягино Московской области, где стал служить о. Гавриил, приезжали многие прихожане тех московских храмов, где он служил раньше. Они ехали к пастырю, умудренному жизненным опытом, просвещенному благодатью Божией, находившему путь к каждому сердцу.

В 1936 году, когда комсомольцы сожгли церковь, в которой служил о. Гавриил, он был переведен в храм Сошествия Святого Духа города Пушкина. 4 ноября 1936 года, во

время богослужения, отца Гавриила снова арестовали и осудили, по обвинению в контрреволюционной деятельности против советской власти, на пять лет ИТП.

В 1946 году, отбыв срок, о. Гавриил был назначен настоятелем ульяновской церкви в честь иконы Пресвятой Богородицы "Неопалимая Купина". Но власти, видя, каким он стал пользоваться авторитетом, решили отказать ему в прописке "как врагу народа". Владыка Софроний перевел о. Гавриила в г. Мелекесс (ныне Димитровград), настоятелем Никольской церкви (ныне кафедральный собор Димитровграда, в котором и находятся мощи преподобноисповедника). Отец Гавриил всегда был ревностным пастырем, а в этом храме, после служб в воскресные и праздничные дни, проводил духовные беседы, толковал прочитанные во время Литургии евангельские стихи.

В церковь стало ходить много молодежи и детей.

Отец Гавриил был скромным, кротким, смиренным человеком. Добрый и снисходительный к другим, сам он вел аскетическую, подвижническую жизнь, имел всецелое послушание своим архипастырям и искренне любил их. Отец Гавриил был необычайно строг к себе, а также к церковному притчу, не терпел пьянства и безнравственности. Не всем это нравилось. И те, кому не по душе пришлось батюшкины замечания, стали писать клеветнические письма в Московскую Патриархию, правящему епископу, уполномоченному по делам религии и в органы государственной безопасности. 8 июня 1949 года, во время богослужения, о. Гавриил был арестован сотрудниками государственной безопасности. После 7 месяцев мучительных допросов суд приговорил о. Гавриила к 10 годам лишения свободы. Этапом, в товарном вагоне, в лютые январские морозы его отправили в лагерь Кемеровской области.

Поселили священника в барак с уголовниками-рецидивистами, которые, даже находясь в заключении, продолжали совершать преступления, в том числе и убийства. Надзиратели были уверены, что отца Гавриила убьют в первую же ночь. Но Божий Промысел судил иначе. Отец Гавриил вошел в камеру с приветствием: «Мир всем», сказал присутствующим, что он священник, и попросил разрешения помолиться. Сокамерники сначала возмутились, но потом притихли, слушая батюшкину молитву о всех страдающих и озлобленных... Вскоре уголовники-рецидивисты выбрали отца Гавриила старшим по бараку, и всё делали только с его благословения. Священник вел беседы с заключенными, исповедовал их, отпевал умерших. В строжайшей тайне совершал и богослужения. Даже надзиратели порой приходили в его барак, чтоб послушать наставления и беседы. Постов отец Гавриил даже в лагере не нарушал, и заключенные говорили потом, что из тюрьмы он сделал тайный монастырь.

Начальник лагеря относился к отцу Гавриилу с большим уважением, потому что, по молитвам о. Гавриила, его жена полностью исцелилась от недуга, который все врачи признали неизлечимым.

Находясь вдали от своих духовных чад, архимандрит Гавриил поддерживал их молитвенно, не оставлял без пастырского попечения: постоянно присылал им свои наставления, проповеди, духовные труды.

Трижды судимый, отец Гавриил пробыл в лагерях в общей сложности семнадцать с половиной лет, но никогда не жаловался на ужасы лагерной жизни. О себе он почти ничего не говорил, хотя все знали, какая страшная судьба выпала на его долю. Он непоколебимо верил в Благой Промысел Божий о каждом человеке, в Покров Царицы Небесной над каждым из нас.

После освобождения из лагеря священник вернулся в Мелекесс - молиться за своих врагов. Духовные чада, узнав о возвращении батюшки, приезжали к нему со всех концов страны. Многие шли к о. Гавриилу со своими бедами, радостями и болезнями, испрашивая совета, благословения, и все уходили от него с обретенным душевным покоем. Пастырь, которому было свойственно полное самоотвержение ради ближнего, безграничная любовь к несчастным, больным, душевно и телесно страждущим, не знал покоя ни днем, ни ночью, трудился до полного изнеможения и еще при жизни был

прославлен Богом **даром прозорливости и исцеления**. В лучах исходящей от него любви согревались сотни людей. Он всех утешал, всем помогал, за всех молился. К нему шли и миряне, и митрополиты, епископы, многие священники.

За три дня до смерти архимандрит Гавриил видел необыкновенный свет и в нем - Господа, разговаривал с Ним. А в сам день смерти, предчувствуя ее, попросил читать "Канон при разлучении души от тела", стал прощаться со всеми, велел крестить его с головы до ног, окинул взглядом все четыре стороны света и тихо заснул. Сначала думали, что он спит, но пульс уже не бился - умер.

Такой мирной, блаженной и христианской кончины Господь сподобил отца Гавриила. Святой преподобноисповедниче Гаврииле, моли Бога о нас!

День общецерковной памяти преподобноисповедника Гавриила, архимандрита Мелекесского – 18 октября (по нов. стилю), в день его праведной кончины и обретения его мощей.

Преподобноисповедник Гавриил (Игошкин) был канонизирован РПЦ на Юбилейном Архиерейском соборе в 2000 году.

Краткое житие святого блаженного Андрея Гимбирского, Христа ради юродивого, чудотворца

Святой блаженный Андрей родился 17 июля 1763 года (по старому стилю). Родители его были очень набожны и воспитали своих троих детей в истинной вере. Уже в 7 лет будущий праведник взял на себя нелегкий подвиг - **подвиг юродства Христа ради**. До самой смерти он жил лишь милостыней, перестал пользоваться обычной одеждой: носил только специально сшитые для него длинные рубашки, и в любое время года ходил без обуви и головного убора.

С 7 лет Андрей взял на себя и **подвиг постничества** (в пищу в продолжение всей жизни он употреблял лишь хлеб и разваренные сухие ягоды, а по праздникам – чай с мёдом), и **подвиг молчания** («разговаривал» при помощи жестов и отдельных звуков, хотя не был лишён дара речи).

Еще в младенчестве Господь наделил блаженного Андрея **даром прозорливости** (он всегда безошибочно сообщал домашним о времени возвращения с богомолья матери – Анны Иосифовны).

Всю свою жизнь Андрей был прихожанином Спасо-Вознесенского собора, где еженедельно приобщался Тела и Крови Христовых. К этому храму блаженный относился с особым умилением: мог всю ночь (даже зимнюю) молиться, стоя под стенами собора или на его колокольне, а иногда его видели даже ползающим возле ограды храма и целующим низенькие ее столбики.

Во все дни жизни своей Андрей Блаженный укрощал свою плоть, передвигаясь только бегом, а если и стоял на месте, то раскачивался, подобно маятнику. Спал он всегда очень мало, на досках или голом полу, ничего не подкладывая под голову, чтобы во время сна голова ничего не касалась.

Некоторые поступки блаженного казались окружающим странными и безрассудными, но всегда приводили к благу. Например, вытащив кляп из бочонка с маслом в лавке торговца, Андрей сохранил людей от смертельной опасности, так как в опустевшем бочонке нашли мертвую змею. В другой раз, вбежав в дом одной мещанки, блаженный выхватил из печки раскаленный чугунок со щами и, разбив его, убежал. На дне разбитого сосуда обнаружили огромного паука. Часто блаженный хватал руками раскаленный металл, целовал кипящий самовар, нередко обливаясь при этом кипятком, но всё это не причиняло ему ни малейшего вреда.

Андрей Блаженный так возвысился своими подвигами, что Господь дал ему особые благодатные дарования. Неоднократно он **исцелял** болящих и страждущих,

обращавшихся к нему с просьбой о молитве. Возвращал здоровье, давая съесть больному кусок поданного ему ранее хлеба. Блаженному были открыты самые потаенные уголки человеческой души. Когда о монетке, поданной блаженному, милостивец в сердце своем сожалел, Андрей безошибочно находил ее в кармане, среди других монет, и отдавал дарителю.

Так как блаженный взял на себя и подвиг молчания, пророчествовал он знаками или жестами. Если он подавал кому-либо щепочки или ложился на чьей-то постели со скрещенными на груди руками, это означало скорую смерть человека. (Это предупреждение невозможно переоценить – ведь человек обретал возможность достойно приготовиться к смерти и Небесному суду).

Конечно, не все симбиряне сразу поняли, что значит для их, да и для нашего с вами спасения этот юродивый. Блаженный Андрей смиренно и кротко переносил все поношения, издевательства, а то и побои: стоял, потупя взор и опустив голову. Это вызывало растерянность обидчиков, а иногда и вразумление о подвиге блаженного.

Когда же началась война 1812 года и многие симбиряне, желая узнать о судьбе своих близких-воинов, поехали к прозорливым старцам, и в том числе к преподобному Серафиму Саровскому, неожиданно услышали: «Что приходите ко мне, убогому? У вас лучше меня есть - ваш Андрей Ильич». Так и возвращались симбиряне к своему святому за благословением и советом.

Когда, в 1841 году 28 ноября (по старому стилю), Андрей Блаженный предал дух Господу, событие это стало воистину всеобщим горем. В убогое жилище, где лежало тело усопшего, на протяжении пяти дней шли и шли симбиряне. Честь сшить новую рубаху для покойного, изготовить гроб, положить на него дорогие покрывала, хоть как-то участвовать в подготовке к погребению почитались как счастье. С умиленным, спокойным и приветливым лицом Андрей Ильич и после кончины был олицетворением посетившей его благодати Божией. На его отпевание пришли все горожане, за исключением лишь тех, кто не мог самостоятельно двигаться. Здесь были даже те, кто раньше даже не переступал порог храма, а также и различного толка раскольники. Так даже смертью своей Андрей Блаженный приводил людей ко Христу, призывал их к молитве и покаянию.

Дни общецерковной памяти блаженного Андрея Симбирского, Христа ради юродивого, чудотворца – 10 декабря (день праведной кончины) и 3 июня (день обретения мощей в 1998 году).

Блаженный Андрей Симбирский в 1998 году был канонизирован РПЦ как местночтимый святой (в том же году последовало обретение его мощей. Как святой РПЦ канонизирован был на Архиерейском соборе 2004 года).

Все симбирские новомученики, о которых речь пойдет далее – священномученики Александр Телемаков и Александр Гневушев, преподобномученица Екатерина (Декалина) – также были канонизированы на Архиерейском соборе 2004 года.

Житие священномученика Александра Телемакова, пресвитера Чумакинского

Будущий священномученик Александр Телемаков родился 6 декабря (по старому стилю - в день церковной памяти святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца). Родился в 1870 году, в городе Сызрани (тогда – Симбирской губернии, сегодня – Самарской области), в семье чиновника 2-го разряда. Конечно, не было случайностью рождение этого ребенка в день церковной памяти Небесного покровителя его отца – Николая Телемакова.

Родительская семья будущего священномученика была верующей и благочестивой. Младенец, а затем и отрок Александр с радостью шел в храм – дом Божий, полюбил в молитве обращаться к Спасителю, своему Небесному Отцу. Александру особенно нравилось молиться в Феодоровском храме Вознесенского мужского монастыря (который милостью Божией сохранен и поныне), где находился древний чудотворный список с Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы. Именно в отрочестве Александр решил посвятить себя служению Церкви Христовой.

В 15 лет Александр приезжает из Сызрани в Симбирск и успешно сдает экзамены в Симбирскую Духовную семинарию. Учится Александр блестяще, удивляя преподавателей своими способностями и усердием. Поэтому выпускник семинарии не был направлен, как тогда практиковалось, в один из сельских приходов обширной Симбирской епархии для получения практических навыков служения. Епархиальное начальство решило, что он достоин начать свое служение в губернском граде, и не в обычном храме: 2 августа 1890 года двадцатилетний Александр Телемаков был определен псаломщиком в Симбирский кафедральный собор, в котором прослужил три года. В сан он не был рукоположен сразу по причине своего тогда еще безбрачного положения – к выбору спутницы жизни будущий батюшка подходил серьезно. Спустя три года, летом 1893-го, Александр был обвенчан со своей будущей матушкой, тогда двадцатилетней девицей Анной Степановной Платоновой. А 8 сентября того же года Преосвященным епископом Симбирским и Сызранским Варсонофием псаломщик Александр Телемаков был рукоположен во священника и направлен на служение на свой первый приход – в с. Мариополь Карсунского уезда.

Здесь молодой батюшка прослужил четыре года. Одновременно с выполнением пастырских обязанностей отец Александр занимался обучением детишек в местной школе грамоты, где преподавал Закон Божий, чтение и письмо. Во время жительства в Мариополе в семье Телемаковых родился первенец, которого отец Александр назвал в честь Николая Чудотворца, в день памяти которого он сам появился на свет Божий.

В начале октября 1897 года епископом Симбирским Никандром отец Александр был награжден первой своей церковной наградой – набедренником – и назначен настоятелем в село Коржевку того же, Карсунского, уезда (сейчас это Инзенский район Ульяновской области). Коржевка была старинным селом, основанным в семнадцатом веке, практически одновременно с губернским городом Симбирском. В год приезда в Коржевку отца Александра в нем было 469 дворов и около двух с половиной тысяч жителей, а в год приезда молодого батюшки село отмечало двадцатилетие освящения построенного усердием прихожан храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы. При этом храме с 1891 года действовала церковно-приходская школа, заведующим которой и стал сразу по приезде в село отец Александр. В этой же школе батюшка стал преподавать Закон Божий, а одновременно стал и законоучителем в местной земской школе (для отца Александра народное, в полном смысле этого слова, образование было одной из важнейших сфер жизни).

В Коржевке семья батюшки вновь пополнилась – в 1897 году родился сын Федор, в 1899 году - Александр, а в 1902 году на свет появилась первая дочь – Анна. Затем Господь послал этому уже немалому семейству еще детишек – в 1904 году Екатерину, а в 1906 году – сына Алексея. В 1908 году, в год перевода отца Александра в соседнее с Коржевкой село Чумакино, матушка Анна родила дочь Наталью.

На новом месте, в Никольском храме села Чумакино, батюшка прослужил почти 25 лет. И все эти четверть века он был ревностным пастырем, которого любили и почитали прихожане. Здесь, как и на двух предыдущих своих приходах, отец Александр много времени и сил уделял образованию крестьян. Вплоть до октябрьского переворота 1917 года он был учителем Закона Божия в местной земской школе, научая детей Слову Божию, прививая им нравственную потребность следовать Заповедям Господним, открывая ученикам мир безграничной любви Христовой. Отец Александр был и

неординарным организатором, церковным и административным деятелем. На протяжении десяти лет, до 1908 года, батюшка избирался членом совета по 6-му Карсунскому благочинному округу, а в феврале 1908 года стал благочинным этого округа.

Деятельность отца Александра Телемакова не оставалась незамеченной церковным и светским начальством. В 1914 г. батюшка был награжден наперсным крестом, выдаваемым Святейшим Синодом. За заслуги в деле народного образования он был награжден медалью в честь юбилея организации в России приходских школ, а также был удостоен медалью в память царствования императора Александра III.

В Чумакино семья отца Александра вновь пополнилась. В 1910 году в семье батюшки родился сын Сергей, а в святочные дни 1912 года Господь даровал ему и девятого ребенка – дочь Нину. Семейство отца Александра жило дружно и спокойно, в любви и согласии. Своей домашней церкви, как, по православной традиции, называют христианскую семью, батюшка уделял особое внимание. Дети росли верующими, почитающими родителей, помогали друг другу, заботясь о каждом члене многочисленного семейства. Старшие дети уже выросли и начали самостоятельную жизнь: Николай и Федор стали офицерами и находились на военной службе (первый на флоте, а второй в пехотных войсках). Дочь Анна стала учительницей. Младшие учились в школе, а самые маленькие наполняли дом священника своим смехом и беззаботным весельем.

Жизнь священника проходила в трудах. В небольшом хозяйстве семьи Телемаковых была одна лошадь и корова, собственный деревянный дом с 15 десятинами земли - жили небогато, но и не бедствовали, зарабатывая кусок хлеба в том числе и своими руками, занимаясь крестьянским трудом.

Однако спокойному течению жизни в семье отца Александра, как и вообще жизни государства российского, положил конец приход к власти безбожников-большевиков, которые практически сразу же поставили Церковь вне закона, духовенство объявили врагами народа и начали на них гонения. Стараясь не вникать ни в какие политические дразги, вообще будучи аполитичным человеком, отец Александр старался и при новой, враждебной власти с честью и усердием выполнять своё самое важное служение – у престола Божия. Для него самым главным стало сохранить свою паству от бесовской безбожной заразы, которая, подобно плесени, стала покрывать души человеческие.

А власти покоя священнику не давали. Сначала, в 1925 году, он был лишен избирательных прав как «служитель культа». Потом у батюшки отобрали землю, оставив многодетной семье лишь две десятины, за которые сельсовет наложил на отца Александра непомерно высокий налог. За неуплату этого самого налога в 1928 году священника «раскулачили», отобрав у него и землю, и собственный дом со всеми надворными постройками, и лошадь, и корову. Семья священника осталась практически без средств к существованию (доходы от служения в церкви у батюшки были мизерные – ведь и у прихожан храма отбирали землю, зерно, скотину, обрекая их на полуголодную жизнь) и переселилась жить в церковную сторожку.

В начале 1930-х годов Поволжье охватил искусственно созданный властями голод, который усугубился страшными эпидемиями и мором. В это время семью отца Александра постигло большое горе – из-за голода и душевных страданий скончалась матушка Анна, с которой священник прожил почти сорок лет в любви и согласии. Дети отца Александра стали покидать село: кто-то учился в городе или районном центре, кто-то из подростков чад решил не обременять отца лишним ртом и уехал самостоятельно добывать пропитание в голодавшей России. Старший из детей, Николай, жил в Ленинграде, работал в каком-то тресте, и взял к себе младшего брата Сергея. Федор работал в лесхозе на Урале, а Алексей жил в Казани и работал бухгалтером на заводе.

В начале 1930-х годов начались повальные аресты православного духовенства по совершенно безосновательному обвинению в препятствовании организации колхозов. Чтобы арестовать и обвинить священников и верующих мирян, в недрах ГПУ создавались

фиктивные обвинения в организации духовенством контрреволюционных групп в различных селах, а также в распространении этими группами провокационных слухов и антисоветской агитации.

В самом начале 1932 года Сызранским ОГПУ была «вскрыта» так называемая сеть контрреволюционных группировок на территории нынешнего Инзенского района. Были проведены аресты, возбуждены уголовные дела. По одному из таких дел были привлечены к ответственности 22 человека, в том числе и 4 священника, среди которых и священник Александр Телемаков.

Согласно обвинительному заключению, все осужденные были изобличены в том, что **«в целях борьбы с Сов. властью... создали в селах Инзенского и Чамзинского районов контрреволюционные группировки из среды местных религиозных фанатиков,... проводили нелегальные сборища для читки поучений черносотенного характера, книги Сергея Нилуса, а также старо-церковно-монархических книг (Библия, житие святых, Иоанна Златоуста и т.д.), используя для этой цели предрассудки крестьянских масс, и проработки прочитанного в духе его преломления к настоящему времени».** Даже Священное Писание и жития святых отцов новая власть читать священникам не позволяла!

Арестованным по этому делу также поставили в вину, что их дома **«являлись притоном для странствующего монашеского элемента, служителей религиозных культов, разных проходимцев-старцев и т.д.»**. Именно этим словом – «притон» – назывались в «стране советов» дома тех, кто давал приют нуждающимся в крове и куске хлеба. Таким было нравственное состояние большевистского общества: священники, монахи и старцы полноценными людьми не считались, а любая помощь им вызывала, в лучшем случае, насмешки и презрение.

Практически всем привлеченным к ответственности по делу контрреволюционных группировок Инзенского района вменялось в вину знакомство с тайно ходящей по рукам и читаемая многими книгой С. Нилуса «Протоколы сионских мудрецов». Безусловно, для власти, у руля которой стояли в основном представители еврейской национальности, эта книга была как страшное оружие. Отцу Александру Телемакову в вину поставили и ведение личной переписки с автором книги, Сергеем Нилусом. Вот часть обвинительного заключения, касающаяся непосредственно священника Александра Телемакова: **«Телемаков Александр Николаевич – активный член руководящего ядра, совместно с Демкиным организовал группу религиозных фанатиков 12-15 человек, и под видом чтения и пения книг Священного Писания проводили антисоветские и антиколхозные беседы. Совместно с Демкиным имел переписку с автором книги Сергеем Нилусом, широко популяризировал и распространял поучения черносотенного характера, распространял провокационные слухи, как-то: пришествие Иисуса Христа, о предстоящем Божьем суде и т.д.»** Вот и все обвинение в адрес батюшки. Но как еще можно назвать безбожную антихристову власть, когда для нее второе и славное пришествие Господа нашего Иисуса Христа и грядущий Страшный Суд есть не что иное, как «провокационные слухи»?!

В дневнике осужденного в 1933 году священника Багрянского есть такие строчки об отце Александре и его мнении о «Протоколах»: «Отец Александр Телемаков знаком с книгой Нилуса прежде, чем я приобрел таковую. Во время наших с ним бесед он говорил, что евреи народ умный, всё может быть. Что, может, они и составят свое царство в Палестине, но когда это будет или не будет, нам не известно. Что же касается воцарения израильского царя, то это России не коснется, потому что Россия будет самостоятельным царством».

Именно исходя из вышеприведенных «фактов», 25 февраля 1932 года отец Александр Телемаков был арестован Сызранским оперсектором ОГПУ и помещен в Сызранский дом заключения. Во время допроса, который состоялся через два дня после ареста батюшки, на вопрос следователя о проводимой им контрреволюционной работе и

агитации отец Александр ответил: «Я лично, кроме работы по укреплению христианской веры и защиты Церкви, никогда никакой работы не вел».

Но для советской власти признание священника в том, что он укреплял веру и защищал Церковь, уже было признанием в самых явных и неоспоримых преступлениях.

За свою веру, служение Богу, проповедь Второго и славного пришествия Спасителя священник Александр Телемаков был приговорен **к 5 годам заключения в концлагерь**. Наказание батюшка отбывал в Архангельской области, участвуя в строительстве Беломорканала. Претерпев страшные лишения, холод и голод, тяжкий рабский труд, издевательства и беззакония, 64-летний батюшка выжил. В конце 1934 года он был досрочно освобожден из заключения - как сказано в одном из документов в уголовном деле, по болезни.

Отец Александр вернулся в село Чумакино. Больше ему ехать было некуда, а обременять детей присутствием в семье отца-«врага народа» батюшка не захотел. Храм в Чумакино к тому времени был уже закрыт, и вновь начать богослужения в нем не было никакой возможности. Однако народ нуждался как в духовном окормлении, так и в совершении Таинств и треб. Крестить новорожденных, отпевать умерших и совершать молебны батюшка начал у себя на дому. Согласно тогдашним понятиям, деятельность батюшки была противозаконна – ведь он не имел регистрации в НКВД как «служитель культа», а совершение религиозных обрядов на дому запрещалось уголовным кодексом. Но священник сознательно шел на этот риск – его прихожане нуждались в молитве и пастырском попечении.

Батюшка не оставлял и мысль о возобновлении храмового богослужения. Жители Чумакино обращались с просьбами об открытии церкви к сельским и районным властям. Однако ничего существенного добиться им не удалось. Да и странно было бы ожидать от атеистической власти разрешения на открытие ей же самой закрытого храма. Но всё же верующие села надеялись на то, что в церкви опять зазвучит молитва. Вновь и вновь они обивали порог сельсовета, просили, умоляли, даже угрожали жалобами в вышестоящие органы – ведь новая конституция гарантировала им свободу вероисповедания!

В конце 1936 года Чумакинский сельсовет, для видимости, пошел на уступку: обещал открыть храм, если церковная община подготовит к оплате налоговые сборы в сумме 1132 рубля. Тогда, по словам председателя, служба в церкви будет беспрепятственно разрешена, а сам храм будет передан верующим в аренду. Это условие было практически невыполнимым. Найти такую сумму в селе, где крестьяне фактически не имели денег! Церковный совет созвал собрание, на котором верующие постановили – нужно собирать средства. И практически невозможное, с Божией помощью, стало возможным! Селяне отдавали церковному совету последнее, приносили муку, зерно, яйца – кто что мог. Продукты продавались, а вырученные деньги складывались в кассе прихода. После Рождества Христова установленная сумма была сдана в сельсовет. Требование, выдвинутое церковной общине, было выполнено, и на праздник Богоявления Господня, 19 января, в чумакинском храме вновь восславили Создателя и освятили крещенскую воду. Счастью православных не было границ!

Но радость была недолгой. После воскресной Литургии 21 февраля 1937 г. председатель сельсовета вновь закрыл храм. Никакие доводы верующих и требования церковного совета на него не действовали. Богослужение было категорически запрещено, более того, не разрешалось и проведение общих собраний верующих по вопросу открытия церкви. 4 марта и 7 апреля православные обращались с жалобами в Инзенский райисполком, однако никаких результатов они не добились. А председатель сельсовета, которому вышестоящие товарищи отписывали жалобы селян, заявлял, что, так как церковь одурманивает людей, а члены церковного совета являются «вредителями и возмутителями народной темной массы», то храм больше никогда открыт не будет.

26 мая 1937 г. обманутые и возмущенные жители села направили жалобу уже в высшую инстанцию, в Куйбышевский облисполком, где подробно описали свои злоключения. В своем обращении, между прочим, сельчане указали, что, **по данным последней переписи, население в селе составило 1178 человек обоего пола, и из них указало себя неверующими меньше тридцати человек - остальные открыто исповедовали себя православными.** Исходя из этого, храм населению Чумакино крайне необходим. Нужно отметить эти скупые цифры – они так красноречиво говорят о той титанической работе по сохранению веры, которую проводил отец Александр. Ведь нужно помнить, что жители села открыто называли себя верующими в самое страшное время гонений на Церковь! И это тоже было исповедничество. И тоже было немалой заслугой простого сельского батюшки – отца Александра Телемакова.

Жалоба возымела эффект. Неожиданный. В августе из Куйбышева жалобу переслали в Инзенский РК ВКП(б), а секретарь райкома отправил ее начальнику райотдела НКВД с припиской: **«Следует обратить внимание на пункт по вопросу переписи и данных о количестве населения – т.е. установить, откуда они могли добыть эти сведения, не подлежащие оглашению».** Вот что в первую очередь волновало власть, а отнюдь не просьба верующих о помощи.

Поручение местного партийного руководства в НКВД поняли как нужно. В отношении строптивного, с их точки зрения, чумакинского священника начался сбор компрометирующих материалов. В этих «показаниях», записанных следователем сухими фразами и с явным негативным отношением к священнику, можно прочесть о том, как жил батюшка после освобождения. **«Телемаков начал подговаривать на свою сторону более религиозных лиц, которые бы пошли с ходатайством в райисполком по вопросу открытия церкви. Когда его стал вызывать райисполком для регистрации, то Телемаков на регистрацию не пошел, считая это грехом, и по его религиозным убеждениям считал роспись в регистрационной карточке как грех, как будто подпись антихристу» - говорится в показаниях на отца Александра ушедшего в раскол священника, жившего в соседнем с Чумакино селе. И дальше: «В настоящее время Телемаков занимается нелегальным крещением новорожденных у себя на дому, производит погребение умерших. Телемаков недоволен нашей конституцией, о которой говорит: «В конституции записано о свободном религиозном культе, но фактически... конституция существует лишь на бумаге, а на деле ее нет».**

В показаниях заведующего чумакинским сельским клубом можно прочесть: **«Мне хорошо известно, то гр-н Телемаков без определенных занятий, одинокий, занимается бродячей жизнью по своему району. Часто приходит в дом монашки Калевой, куда и приезжают из других сел и районов религиозные церковники, где поп Телемаков проводит молебственные богослужения и ведет среди прибывших контрреволюционную агитацию – читает божественные книги».**

Собранных таким образом сведений для обвинения было вполне достаточно.

24 декабря о. Александра арестовали и допросили. Во время допросов отец Александр категорически отрицал выдвигаемые против него обвинения в контрреволюционной и антисоветской деятельности. Весь протокол допроса уместился на одном листе. Уже на следующий день после допроса в Инзенском РО НКВД было готово обвинительное заключение, отправленное сразу же в областной центр. В этом документе, в частности, было сказано: **«Проживая в селе Чумакино, Телемаков, будучи недоволен на существующий Советский строй и будучи за последний год без определенного места службы, вел усиленную агитацию за богослужение. С этой же целью без ведома Сов. власти, без регистрации в РИК самостоятельно в начале 1937 года начал было служение в церкви, у себя на дому, а последнее время устраивал молебствия – крестил детей и давал**

направление церковному совету, писали в центральные органы разного рода жалобы и т.д.». Одним словом, по мнению властей, священник был явным контрреволюционером.

Всего лишь через четыре дня после ареста батюшки, 29 декабря 1937 года всемогущая «тройка» при УНКВД по Куйбышевской области вынесла свой вердикт: «Телемакова Александра Николаевича, рождения 1870 года, уроженца г. Сызрани, русского, гр-на СССР, до ареста священника с. Чумакино Инзенского района, обвиняемого в преступлениях, предусмотренных ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, - РАССТРЕЛЯТЬ».

Еще сорок дней в переполненной духовенством ульяновской тюрьме ждал окончания земной своей жизни отец Александр. За решеткой он встретил новый, 1938 год, тихой молитвой отпраздновал Рождество Христово, со слезами вспомнил последние водосвятия в своем храме в день Крещения Господня. Сретение же Господне (Встреча Господня) стало последним земным праздником для священномученика Александра. В дни отдания праздника Сретения, 19 февраля 1938 года, 68-летний отец Александр Телемаков принял мученическую кончину и встретился в Царствии Небесном с Тем, Кому посвятил свою жизнь.

«Акт 1938 года, февраля месяца, 19 дня. Мы, нижеподписавшиеся сотрудники Управления НКВД по Куйбышевской области, составили настоящий акт в том, что нами сего числа, на основании постановления тройки при Управлении НКВД по Куйбышевской области от 29.12.1937 года, в городе Ульяновске, приведен в исполнение приговор тройки в отношении Телемакова Александра Николаевича, приговоренного к высшей мере наказания – расстрелу. Настоящий акт составлен в 1 экземпляре. Сотрудники Управления НКВД (подписи)».

Этот акт – страшный документ об убийстве с точки зрения мирской, и акт мученической кончины служителя алтаря Божьего. Место последнего упокоения священника Александра Телемакова неизвестно.

День ежегодной общецерковной памяти священномученика Александра Телемакова, пресвитера Чумакинского, установлен в день его праведной кончины – 19 февраля по новому стилю.

Житие преподобномученицы Екатерины (Декалиной), Симбирской

Екатерина Декалина родилась в ноябре 1875 года в селе Панская Слобода Симбирского уезда в простой русской крестьянской семье. Ее родители жили скромно, но не бедствовали. Семья жила в добротном деревянном доме, который окружал большой фруктовый сад, в хозяйстве Декалиных была и лошадь, и корова. В семье было четверо детей: сын Василий и три сестры – Евдокия, Екатерина, Елизавета. В храм Декалины ходили всей семьей, вместе постились и причащались, но из четырех детей Екатерина отличалась особой набожностью. И, когда брат и сестры бегали с друзьями по улице, а потом ходили на сельские вечеринки, Катя просиживала вечера дома, читая, как тогда говорили, «божественные книги». Сестры и брат думали о создании семьи, а Екатерина решила посвятить себя иному Жениху, иному служению, и сказала родителям о своём желании идти в монастырь. Отец и мать сначала высказывались против этого решения Екатерины – ведь ей было всего 15 лет, да и помощница родителям нужна была. Но, поразмыслив, родители одобрили решение дочери – будет за них и всех родных перед Богом молитвенница.

Осенним утром, 20 ноября 1890 года, отец Екатерины отвез дочь в **Спасский женский монастырь**. Трудолюбивой и аккуратной девушке в обители нашлось немало послушаний. Целых двадцать три года Екатерина прожила в монастыре воспитаннице и

трудницей, прежде чем 28 октября 1913 года указом Симбирской Духовной Консистории была определена в число послушниц монастыря и стала законной его насельницей. С этого времени у Екатерины появилось и своё постоянное послушание – она была определена трудиться при монастырской часовне. Духовное начальство ценило спокойную и уравновешенную насельницу – в ведомости 1917 года о монашествующих Симбирского Спасского женского третьеклассного монастыря напротив имени Екатерины указано: «хорошей жизни, послушание исполняет усердно». 1917 год стал последним годом спокойной жизни обители. После прихода к власти большевиков женский монастырь был закрыт, и в начале 1920-х годов в нём был организован первый в губернии концентрационный лагерь. Насельниц обители разогнали: некоторые вернулись в родные сёла, некоторые устроились трудиться при симбирских храмах, кто-то вынужден был идти работать на черные работы в мирские учреждения.

Матушка Екатерина вместе со своей давней подругой, с которой проживала в Спасском монастыре, - матушкой Анастасией (Фокиной) – стали жить в Симбирске, в маленьком домике по Петропавловскому спуску (ныне – ул. **Степана Разина**), **61**. Дом стал поистине небольшой монашеской кельей. Здесь стояли две кровати, комод, небольшой шкаф, стол и несколько стульев, а на стенах – иконы из Спасского монастыря. Чтобы заработать на «хлеб насущный», рясофорные послушницы Екатерина (Декалина) и Анастасия (Фокина) устроились на работу в ульяновское учреждение «Техлесемкультура». Однако вскоре их, как «классовых врагов», уволили с работы. Матушки, которым было уже за 50, стали стегать одеяла и покрывала – этим и зарабатывали на жизнь. Из фруктов и ягод, растущих в их саду, старушки варили варенье, но никогда не продавали его, а всё относили в детский приют. В гостеприимный дом монахинь, где их поили чаем с вареньем, любили приходить и соседские дети, и племянницы матушки Екатерины, жившие по соседству.

В 1937 году в ульяновском НКВД появились документы о «контрреволюционной церковно-монархической фашистско-повстанческой организации», состоящей из духовенства и мирян и ставившей целью свержение советской власти. Никакой подобной организации, безусловно, не существовало. По этому сфальсифицированному делу были произведены аресты сотен священников, членов церковных советов и наиболее активных мирян по всей территории нынешней Ульяновской области. Были возбуждены десятки уголовных дел, по которым были осуждены сотни людей, главной виной которых была вера. Одно из этих дел стало самым страшным и кровавым за весь период истории уничтожения Церкви Христовой в Симбирске-Ульяновске. 55 человеческих жизней было оборвано 17 февраля 1938 года. Среди осужденных по этому делу оказалась и рясофорная послушница Екатерина (Декалина). Поздним вечером 18 декабря 1937 года в маленький домик по Петропавловскому спуску ворвались чекисты. Молча, по деловому они обыскали весь дом, вытряхнули на пол содержимое шкафа, сорвали со стен иконы и проверили содержимое киотов (окладов икон) – не прячут ли «монашки» что-нибудь контрреволюционное за святыми образами? Найти пришедшим ничего не удалось. В протоколе обыска, составленном на месте, кроме паспорта на имя Декалиной Екатерины Дмитриевны, ничего больше не значится.

Престарелой монахине велели собираться. Причину ареста никто не объяснял, да и была ли в этом необходимость?! Ведь матушка и так, без слов поняла: пришло время испытания веры. Монахинь Екатерину и Анастасию посадили в «воронки» и доставили в **городскую тюрьму**, где в это время находились уже сотни священников и мирян. Той же ночью матушку Екатерину повели на допрос. Перед молодым, уставшим от непрекращающихся допросов «мракобесов» чекистом сидела 62-летняя монахиня, собранная, со спокойным взглядом, ничем не показывающая внутреннего волнения. Следователь начал заполнять протокол допроса. На вопрос «семейное положение?» матушка Екатерина ответила, что родных у нее нет: старушка прекрасно знала, что советская власть не жалуется родственников «врагов народа». После формальных вопросов

следователь спросил: «Расскажите, какое недовольство советской властью Вы высказывали среди верующих, и до какого времени это продолжалось?»

Матушка Екатерина, немного помедлив, ответила: «Да, я действительно недовольна существующим порядком, и всегда и везде говорила, что советская власть делает гонения на верующих. Монастыри закрыли, церкви закрыли, священников в тюрьму посажали. Спрашивается – за что? За то, что они всю правду рассказывали верующим? Конечно, я говорила, что эта власть не то Бога, а от антихриста. С этим положением я не могу смириться до настоящего времени, и в силу своих убеждений в существование Бога я и буду говорить об этом до самой смерти».

Следователь молча смотрел на старенькую монахиню. Он не ожидал от этой пожилой женщины такой внутренней твердости и непоколебимой уверенности в правоте своих слов. Перед ним сидела монахиня, которая сейчас выступала обвинительницей советской власти! Следователь улыбнулся: допрос можно было не продолжать, арестованная уже одним этим ответом подписала себе смертный приговор. Но, по правилам, допрос не мог состоять из одного вопроса. И допрос был продолжен:

- Вы сказали, что вы верите, и верующей остались до настоящего времени. Где Вы исполняли свои религиозные обряды?

- Мы живем вдвоем с монахиней Фокиной Анастасией Степановной (*напомним: монахиня Анастасия была арестована вместе с матушкой Екатериной и, таким образом, упоминая ее имя, матушка не подвести ее под арест НКВД*). Все религиозные обряды исполняем вдвоем в квартире. Живем, читаем псалмы, молимся. Больше к нам никто не ходил, и мы никуда не ходим.

- Вы являетесь членом церковно-монархической контрреволюционной организации. Требую от Вас чистосердечных признаний!

- Членом этой организации я не состояла и о существовании таковой не знала.

- Выше Вы говорили, что Вы высказывали недовольство против советской власти, что она закрыла церкви, сажает верующих в тюрьмы. Вы знаете, что этим самым Вы помогаете врагам советской власти?

- Да, я понимала это, и делала это с тем расчетом, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше верующих. Вот тогда мы потребовали бы, чтобы нам открыли церкви, и, по моему убеждению, это сделать нам бы удалось. Я также надеялась на то, что долго советская власть не просуществует. Я видела это ещё и в том, что сейчас очень много недовольных ею за все вот эти притеснения.

- Что Вы говорили в отношении конституции и выборов в Верховный Совет?

- В отношении конституции я говорила о том, что она нам ничего не даст. В Совет попадут коммунисты, а коммунисты против религии. Если бы могли избрать своих, верующих, кандидатов, тогда было бы другое дело. Я говорила против всех выдвинутых кандидатов и против всей выборной системы: лучше нам пойти в церковь, чем на выборы.

На этом допрос окончился. На допросы матушку Екатерину больше не вызывали. Через 11 дней, 29 декабря 1937 года, в Куйбышеве состоялось заседание «тройки» при областном УНКВД. Среди многих сотен фамилий верующих православных людей была и фамилия Екатерины Дмитриены Декалиной, монахини, 1875 года рождения, проживавшей в г. Ульяновске. Напротив ее фамилии в протоколе заседания «тройки» размашисто было написано «расстрелять».

Поздней ночью с 17 на 18 февраля 1938 года в подвал здания **Ульяновского НКВД** заводили мужчин в рясах и женщин в скромных темных платках. Приглушенно раздавались выстрелы и через несколько минут в затянутый тентом кузов стоящего во дворе грузовика несколько человек в форме забрасывали тело очередной жертвы. В эту ночь пули палачей оборвали жизни 78 человек, среди которых были 3 архиерея и более пятидесяти священнослужителей и монахинь. В эту страшную ночь с тихой молитвой на

устах предала душу в руки своего Небесного Жениха и святая мученица монахиня Екатерина, и ее духовная сестра Анастасия.

Место погребения матушки Екатерины и иных мучеников за веру православную точно не известно.

День ежегодной общецерковной памяти преподобномученицы Екатерины Симбирской установлен в день ее мученической кончины – 17 февраля по новому стилю.

Житие священномученика Александра Гневушева, пресвитера Бряндинского

Будущий священномученик родился 23 сентября 1889 года в селе Русская Цильна Симбирского уезда, в семье одного из самых уважаемых священников Симбирской епархии, в будущем протоиерея и благочинного, - отца Феодора Васильевича Гневушева. У отца Феодора и матушки Клавдии Николаевны было четверо детей – два сына и две дочери. Обе дочери продолжают труды своего отца на ниве народного образования - станут педагогами. А оба сына - Сергей и Александр – станут служить Господу и Его Церкви, станут священниками.

Духовное образование братья Гневушевы получили в Симбирской Духовной Семинарии: старший закончил ее в 1911 году, младший – на год позже. 14 марта 1913 года Александр Гневушев был назначен псаломщиком в своем родном селе Русская Цильна, в храме, возведенном трудами отца (отец в это время был уже переведен в г. Буинск).

Через год, 9 марта 1914 года, Александр был рукоположен в сан священника и назначен на свой первый приход – в Христорожественский храм села Алейкино Симбирского уезда (ныне с. Старое Алейкино Ульяновского района). В этом храме отец Александр был настоятелем 7 лет, и, кроме служения в алтаре Дома Божия, был заведующим и преподавателем Закона Божия в местной церковно-приходской школе. Добросовестному выполнению обязанностей священника не помешало и то, что государственный переворот 1917 года лишил его и всю семью даже минимального материального благополучия. Как нельзя лучше тогдашнее положение духовенства, у которого экспроприировали землю и донельзя урезали церковный доход, описывает один из священников соседнего уезда: «Жалованья священника ниоткуда не имеется. Священник пользуется добротным даянием хлеба так скудно, что едва с голода не помрет, да делать нечего». Такое полунищенское существование вела и семья отца Александра – семья с тремя детьми от нуля до пяти лет.

В июле 1921 года в симбирское епархиальное управление обратились жители соседнего с Алейкиным села Комаровки: два года назад, уже в советское время, здесь был силами местных жителей возведен храм, но назначенный сюда священник уехал к себе на родину, оставив приход без пастырского окормления. «Не желая оставить веру Христову, наше Православие благолепие нашего вновь выстроенного храма», жители с. Комаровка просили назначить к ним настоятелем священника Александра Гневушева, зная его как мудрого и доброго духовного наставника. Просьбу верующих епархиальное управление исполнило.

Спустя два года отец Александр был переведен в храм села Шумовка того же района. Еще до прибытия сюда нового священника прихожане разделились: большая часть решила последовать за обновленцами, так называемой «Новой Церковью» (в Ульяновске обновленческое движение было одним из самых сильных в стране, «новоцерковники» даже создали свое епархиальное управление, и организация и регистрация других церковных центров местной властью не допускалась). «Обновленческая» часть прихода пожелала во что бы то ни стало избавиться от строптивного священника-«тихоновца» (т.е. поддерживающего Патриарха Тихона, руководящего «необновленной» Православной Церковью). В обновленческое симбирское епархиальное управление полетели клеветнические письма на отца Александра. В апреле

1925 года обновленческое епархиальное управление решает «произвести дознание по содержанию жалобы, принесенной на священника Гневушева некоторыми верующими с. Шумовки и в целях информации обновленческого дела в Церкви поручить члену епархиального управления П.М. Жижину сделать доклад о «тихоновщине» в селе Шумовке». Изучив положение дел в Шумовке, епархиальный совет решил предложить отцу Александру «духовную взятку»: сделать его благочинным (руководителем всех храмов Ульяновского района). Стать благочинным отец Александр отказался – предпочел уйти за штат, но не изменять священнической присяге.

Три месяца, с четверыми малолетними ребятами, священник не служит – не может найти не одного необновленческого прихода. Но, по словам Господа, «верующий в Меня не постыдится», то есть уповающий на Господа не будет посрамлен в своем уповании, его надежда на Бога не будет напрасной. В июле 1925 года Патриарх Тихон назначает на ульяновскую архиерейскую кафедру епископа Виссариона (Зорина). Отец Александр сразу же направляется к Преосвященному, который назначает его настоятелем храма в селе Бряндино Мелекесского района. Здесь священник в течение четырех лет служит Господу, молится о своих духовных чадах, терпит притеснения местных властей.

В святки 1930 года местным кружком «Организации воинствующих безбожников» решено было снять с церкви колокола. Чтобы священник не помешал этому святотатству, накануне «мероприятия» в дом отца Александра явились для описи имущества и «раскулачивания» сельские «активисты». Забрали всё, даже кухонную утварь и детские вещи. Но священник понимал, что это «раскулачивание» - не конец притеснений, а только начало.

14 января, в великий церковный праздник, после службы он обратился к верующим: «Быть может, последние службы служим в нашем храме. Скоро отберут у нас храм... Налог выплатить не можем, а меня самого обобрали до нитки». Несмотря на святки, священник призвал прихожан начать готовиться к Причастию, то есть начать поститься и усердно молиться – ведь если церковь закроют, то кто знает, когда в следующий раз доведется приобщиться Святых Христовых Таин? Стоя на амвоне и держа крест в руках, отец Александр запел великопостное: «Душе моя, душе моя, восстании, что спиши? Конец приближается...» За батюшкой запели певчие, а народ в храме начал плакать. Потекли слезы из глаз и самого отца Александра. Не смог батюшка сдержаться, зарыдал, положил крест святой на аналой и ушел в алтарь.

После службы многие прихожане пришли к священнику домой: что делать, если церковь действительно захотят закрыть. Священник не разрешил своим чадам ни сопротивления, ни насилия. Сказал лишь: «Пускай советская власть закрывает церкви. Мы же откроем молитвенный дом, но не дадим умереть нашей вере. Заблудилась нынешняя власть, пошла за антихристом. Но должно придти время, когда она одумается и придет к раскаянию».

На следующий день сельская власть Бряндино созвали общее собрание женщин для обсуждения вопроса о снятии колоколов с храма. Около 3000 женщин, только услышав, о чем пойдет речь, категорически отказались обсуждать этот вопрос. Вот как отражен этот случай в уголовном деле отца Александра: «Под влиянием антисоветской агитации Гневушева и его единомышленников, ... собравшиеся проявили крайне отрицательное отношение к поставленному вопросу, в результате чего собрание было сорвано».

На другой день власть решила все-таки снять колокола с храма. Однако лишь только представители сельсовета подошли к храму, на колокольне раздался набат. В считанные минуты со всех сторон села к храму сбежалось около 500 человек. Сельсоветчики стали оправдываться, что колокола снимать они не будут, но обмануть людей им не удалось. Из толпы раздались выкрики: «От церкви не разойдемся, будем бить в набат, пока всё село а ноги не поставим!», «Изверги, замучили нас!», «Не дадим себя в обиду – всему селу ничего не сделают!», «Не дадим снять колокола!» Люди плакали, кричали, молились. Сельские активисты спешно ретировались...

Люди стояли около церкви еще три дня, опасаясь, что попытка снять колокола повторится.

Но власти в течение месяца не покушались на церковь. Конечно, это затишье было обманчиво – прощать «противление проводимым сов. властью и партией мероприятиям» и «организацию массового антисоветского выступления» не собирались.

В начале февраля отец Александр уехал погостить к родственникам в Ульяновск. 11 февраля, в его отсутствие, в с. Бряндино были арестованы «активные участники выступления верующих при попытке властей снять колокола». Священник был объявлен в розыск, как скрывающийся от органов НКВД. Арестовали батюшку 23 февраля, через 2 дня ему предъявили обвинение: «является руководителем кулацкой группы, систематически срывавшей мероприятия советской власти, группа вела злостную антисоветскую агитацию, распространяла провокационные слухи».

Через два месяца после ареста постановлением «тройки» отец Александр Гневушев был приговорен к расстрелу.

28 апреля 1930 года, в 23 часа, приговор был приведен в исполнение. Пуля большевистского палача поставила точку в земной жизни верного служителя Церкви Христовой, а «труп расстрелянного Гневушева зарыт на кладбищах за г. Ульяновском близ Стрижева оврага в надлежащей глубине».

В год, когда отец Александр был расстрелян, старшей его дочери, Любе, было 14 лет, а младшему сыну, Сергею, исполнилось три года – сиротами остались пять малолетних детей.

День общецерковной памяти священномученика Александра Гневушева, пресвитера Бряндинского, установлен в день его мученической кончины – 28 апреля по новому стилю.